

УДК 178.8

© Ю. А. Никитин, 2012

НАРКОМАНИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Никитин Ю. А. – зав. кафедрой административного, финансового и международного права, тел.: 8 (4242) 55-94-29 (Южно – Сахалинский институт экономики, права и информатики)

В статье анализируется социальная проблема современного общества – наркомания в аспекте современной философской мысли. Основные причины данного явления автор выводит из философии индивидуализма, которая артикулируется как распад и кризис. Выход из создавшейся ситуации автор связывает с вопросами формирования нового мировоззрения

The transition of the Russian society to the market economy led to cardinal changes in its social and class structure. The marginal stratum of society represented by professional beggars, homeless persons, invalids, refugees grows. Social stresses and crisis situations, which have become the reality during the transition of the society to the marketing economy, influence on this stratum most of all. These conditions become the nutrient surroundings for narcomania spread in the Russian society.

Ключевые слова: наркомания, антропологический кризис, смысл жизни, гедонизм.

Всесторонний и глубокий анализ наркомании невозможен без выявления влияния мировоззрения личности на ее поведение, в том числе и на ее отношение к употреблению наркотиков. Понимание внутренней связи между мировоззренческими установками человека и состоянием общества, в котором осуществляется его повседневная реальная жизнедеятельность, дается в философии экзистенциализма, в трудах А. Шопенгауэра, З. Фрейда, Э. Фромма и Э. Тоффлера.

Первое основание, на котором мы строим философский анализ причин наркомании сегодня: *распад, кризис личности, ведущий к отказу ее от себя, потери смысла жизни, потеря идеала личности. Эти факторы во многом обусловлены господством рациональной философской антропологии.*

Проблемы современной антропологии исходят из западноевропейской концепции человека как индивида, исходящих из философии Аристотеля,

определивший человека как животное политическое. Логическим продолжением этой концепции стало расчленение человека на составляющие: тело, душа, разум. Современная философская антропология констатирует кризис западноевропейской концепции индивида, у которой отсутствует холистический взгляд на личность. Как сказал Хоружий С.С. «человек как целое, интегральный человек во всей многомерности, совокупности всех своих проявлений, не уместяясь не в одну из наук о себе и не равняясь также, конечно, простой сумме этих наук, по сути, исчез из поля научного зрения» [1]. Некоторые представители философской антропологии считают, что современная личность распадается изнутри, вследствие неразрушимого противоречия между индивидуалистическими установками и современной действительностью. Философы, социологи, психиатры в один голос говорят о растущей тенденции разрушения личности, деиндивидуализации человека, его растворении в безликой массе. «Проблема индивида, теряющего свою индивидуальность в массе, - это типичная проблема современного мира» [2].

Философия индивидуализма и обусловленная ею самоизоляция от других людей рождает мучительное чувство внутренней опустошенности и бессилия, доходящее до потери собственного «Я». Именно это самоотчуждение американские психиатры считают наиболее типичным современным неврозом.

Попытка единения на базе индивидуализма и в рамках существующей социальной действительности чаще всего находит выражение в психологическом конформизме и боязни инаковости, почти животной потребности «быть как все», «принадлежать» к какому-то целому. Индивид, для которого свобода означает просто отсутствие ограничений, который не имеет осмысленной жизненной перспективы, и не знает, для чего он свободен - неизбежно переживает эту свободу как проклятие. Каждый раз, когда он остается с собой, он испытывает внутреннюю пустоту и тоску. Слиться с другими, все равно с кем, все равно во имя чего, - вот его единственная мечта.

В. Франкл справедливо полагает, что «мы живем в век распространяющегося все шире чувства смыслоутраты ... Человек, который уже не в состоянии самостоятельно найти в своей жизни смысл, равно как и выдумать его, убегая от чувства утраты смысла, создает либо бессмыслицу, либо субъективный смысл. Если первое происходит на сцене (театр абсурда!), то последнее - в хмельных грезах, в особенностях, вызванных с помощью ЛСД» [3]. Серьезные психологические и мировоззренческие проблемы порождает современная техногенная цивилизация. Шизоидное, идолопоклонническое отношение к технике приводит к омертвлению души, а значит, чувств и эмоций. В ранних доиндустриальных обществах «инвалиды видели смысл своей жизни в локальных религиозных ортодоксиях и привычного национального или племенного образа жизни их сообществ». Эти традиционные

практики и институты «обеспечивали встроенную психологическую защиту индивида». Однако когда вера во всеобщие заданные смыслы рухнула, индивид остался без защиты. Без обращения к духовности прошлого, разделяемой с другими людьми, «индивид изолирован и брошен на произвол судьбы, и одиночество индивида больше не поддерживается культурными ресурсами его предков, что и является главной причиной психологических проблем, возникших в последнее время» [4].

При развитии современной цивилизации у человека резко снижается эмоциональная сфера и появляется постоянная скука. Э. Фромм, называя скуку «страшной мукой», отмечал, что «многие люди умудряются найти ей компенсацию, сознательно стремясь в суете сует утопить свою тоску. Восемь часов в сутки они заняты тем, чтобы заработать себе на жизнь, когда же после окончания работы возникает угроза осознания своей скуки, они находят десятки способов, чтобы этого не допустить: это выпивка, телеэкран, автомобиль, вечеринки, секс и даже наркотики» [5].

Рассуждая по поводу смысла жизни Э. Фромм, подчеркивает, что сегодня одна из главных целей человека – убежать от собственной скуки путем эмоционального насыщения.

Важную роль в понимании причин наркомании имеют философские работы Шопенгауэра. В частности Шопенгауэр считал, что чем более развиты в интеллектуальном и эмоциональном отношении люди, тем сильнее их нравственные коллизии и страдания. Он исходил из того, что социальная жизнь проникнута скудоумием и пошлостью, завистью и лицемерием. Забота о ближних и борьба за счастье угнетенных то и дело оказываются на поверку поиском собственной выгоды; патриотические призывы – маской своекорыстного национализма. Парламентская болтовня – прикрытием самого беззастенчивого группового и личного эгоизма, выпоренная демонстрация религиозных чувств – маскировкой ханжеской бессовестности. Жизнь людей в обществе полна нужды, страха, горя и страданий. Тревоги чередуются с разочарованиями, а отделяющие их друг от друга моменты удовлетворения своих желаний, мимолетны и приносят затем скуку и новые страдания. Невозможно отрицать, что Шопенгауэр очень глубоко обрисовал современную ему действительность, а заодно и темные стороны всей промышленной цивилизации вообще. Он предопределил кризис цивилизации и глобальной проблемы современности.

Взгляды Шопенгауэра нашли свое подтверждение в обществе, лишенном традиций и видящем смысл жизни в массовом потреблении, в котором часто успехи цивилизации оплачиваются ростом зарегулированности жизни, а то и кровью, усилением угрозы существованию человека и всего живого. Технически мы сверхлюди, морально мы, напротив, еще не стали людьми.

И поэтому сейчас уже не столь парадоксальной, выглядит шопенгауэровская установка на «религиозное поведение без веры в божество», его убежденность в наличии некоего неподвластного нашему произволу глубинного основания жизни, ставка на моральное освобождение человека от меркантильных зависимостей.

Жизнь, по Шопенгауэру, - «многообразное страдание и сложное злополучие». Причина этого явления жизни – в эгоцентричной «конструкции» самой жизнедеятельности и жизнелюбия. В этой конструкции уже заложены неразрешимые противоречия, заводящие в тупик и разрушающие первичную, данную нам непосредственно реальность нашего «Я». Каждый чувствует и представляет себя «средоточием мира», поэтому «хочет всего для себя», а то, что ему противится, «хотел бы он уничтожить».

Второе основание антропологического кризиса и как следствие этого – проблемы наркомании мы выводим из происшедшей **деконструкции познания человека, в результате которой человек оценивается или с позиции психоанализа, или как часть виртуального мира.**

Потребность в идеале, в его современном варианте – в виртуальном мире, является фундаментальной потребностью человека. Хоружий С.С. полагает, что «опытах обитания в виртуальных мирах... - на всех этих новых, странных путях самовыражения человек испытует пределы своих возможностей и самой своей работы» [6].

3. Фрейд в своих работах, раскрывая внутренний мир человека, у которого мажорное состояние психики не имеет будущее, показывает, к какой опасной грани это может привести личность – за этой гранью начинается Бессознательное. Он рассматривает человека с позиции Бессознательного и считает, что главный метод работы с человеком – психоанализ.

Пациенты Фрейда в начале XX века страдали главным образом от противоречий между интернализированными запретами, табу и тем, чем, по их мнению, они сами являлись. Современный человек, напротив, ищет ответа на вопрос, во что он должен верить, кем он должен или мог бы стать. В психоанализе ищут «убежище от разорванности существования, отход от возвращения к более патриархальным межличностным отношениям» [7]. Расщепленный на множество недостаточно интегрированных и потому внешних ролей, индивид жаждет устойчивости, тепла и интимности, которые можно найти лишь в общении с другими.

К концу XX века появилась концепция виртуального человека, бегущего от реальности разными способами. Современный человек, осознавая свое индивидуальное бессилие в обществе (хроническая безработица, экономическая и финансовая неуверенность в завтрашнем дне, угроза войны и пр.) видит свое будущее в мрачном свете. Немало людей пытается защитить свою психику от травмирования с помощью алкоголя, курения, наркомании, токсикомании. Разум человека начала XXI века продолжает находиться в состоянии

стагнации, что отражается в неуверенности и размывании у индивида чувства меры, в область иллюзорного сознания и в сферу физиологических удовольствий. Этому способствует все растущая психологическая зависимость людей от СМИ (радио, телевидение), кино, рекламы, Интернета, создающих и культивирующих стойкие поведенческие привычки, вредные для состояния человеческого разума.

Опираясь на учение Э. Фромма, Станислав Гроф указывает на духовно-психические корни глобального кризиса: «При самом тщательном рассмотрении нынешний глобальный кризис в своей основе является кризисом духовно-психическим, ибо он отражает уровень эволюции сознания человеческого вида. Именно поэтому трудно представить, чтобы он мог быть разрешен без коренного внутреннего преобразования человечества в мировом масштабе и его восхождения на более высокий уровень эмоциональной зрелости и духовного осознания» [8]. Следует отметить, что Э. Тоффлер более тридцати лет тому назад предрек шок, который приводит к психологическому онемению людей (Future shock, 1990). Человечество постепенно охватывает неведомое ранее психологическое состояние, которое может быть приравнено к тяжкому заболеванию – «футуршок», или «шок будущего». Футуршок характеризуется внезапной ошеломляющей утратой чувства реальности. «Эта болезнь отражается на нашей культуре, нашей философии, нашем отношении к реальности», – указывал Э. Тоффлер [9]. Прогнозы американского футуролога не оказались мифом – сегодня для России актуальны те же роблемы, которые были характерны лишь для США.

Происшедшие изменения в ценностном сознании человека являются третьем основанием обсуждаемой проблемы. Альтернативами традиционных ценностей для философов XIX века стали неограниченный индивидуализм и гедонизм. А. Шопенгауэр в работе «Свобода воли...» отмечает: «когда человек... в жгучем вожделении хотел бы овладеть всем, для того чтобы утолить жажду своего эгоизма, и когда он, как это неизбежно, должен убедиться, что всякое удовлетворение только призрачно и достигнутое никогда не дает того, что сулило вожделенное, не дает окончательного успокоения неукротимой воли; когда он сознает, что от удовлетворения меняется только форма желания, а само оно продолжает терзать в другом виде, и после того как все эти формы исчерпаны, остается самый порыв воли, без сознательного мотива, и с ужасающей мукой сказывается в чувстве страшного одиночества и пустоты; когда все это, при обычной силе хотения ощущаемое слабо и вызывающее только обычную грусть, неизбежно возрастает до чрезмерной внутренней муки, вечной тревоги, неисцелимого горя у того, кто представляет собою проявление воли, достигнувшее необычайной злобы, то он косвенно ищет такого облегчения, на которое не способен прямо: он стремится зре-

лицем чужого страдания, которое вместе с тем заведомо служит проявлением его мощи, облегчить страдание собственное» [10].

Э.Фромм подчеркивает, что положение, в котором оказался современный человек в наши дни, было предсказано дальновидными философами прошлого века. Например, С. Кьеркегор предсказал беспомощность индивидуума, которого гложут мучительные сомнения и который окончательно раздавлен тяжким грузом одиночества и собственной ничтожности. Ф. Ницше в свое время четко описал приближение нигилизма, который позже нашел свое воплощение в идеях нацизма, а также нарисовал портрет «сверхчеловека» как отрицание потерянного и окончательно запутавшегося человека, какого он видел в реальной жизни.

Конкретным проявлением деградации человеческого разума является и рост наркотизации во всем мире. Ее причины кроются в социальной и психологической дезадаптации человека в современном обществе.

Наркотизация это в определенной степени расплата человека за его успехи в техническом прогрессе, за стремительное ускорение темпа жизни, осложнение человеческих взаимоотношений, а также за его бездуховность.

В технотронном веке человек активно не соотносит себя с миром и принужден подчиняться своим идолам и их требованиям. Он чувствует одиночество и тревогу. В этих обстоятельствах конформизм представляется ему единственным способом избежать безысходное и необъяснимое состояние.

Торстен Веблен подчеркнул, что «во всех имеющихся формулировках экономической теории, исходят ли они от английских экономистов или от экономистов континентальной Европы, человеческий материал, с которым исследование имеет дело, осмысливается в гедонистских терминах. Согласно гедонистской концепции, человек – это молниеносный счетчик удовольствий и неприятностей, который, подобно гомогенной частице стремления к счастью, колеблется под воздействием стимулов, перемещающих его в пространстве, но не повреждающих его. У него нет ни прошлого, ни будущего. Он – изолированная, безусловная человеческая величина, находящаяся в устойчивой равновесии, если не считать ударов приходящих в столкновение сил, смещающих его в том или ином направлении. Расположившись в изначально определенном месте, он симметрично вращается вокруг своей духовной оси, пока параллелограмм сил не обрушится на него, после чего он следует за результирующей. Когда сила удара уже на исходе, он возвращается в прежнее состояние – частицы, вмещающей в себе желание. В духовном отношении гедонистский человек не является источником энергии. Он не представляет собой вместилище жизненного процесса, разве только в том смысле, что он подвержен ряду изменений под воздействием обстоятельств, внешних и чуждых ему» [11].

В связи с этим Н. Лосский полагает, что «всё разнообразие человеческого поведения может быть сведено, согласно учению гедонизма к одному источнику, именно к стремлению достигать удовольствия и избегать страдания. Удовольствие, утверждают гедонисты, есть единственное состояние ценное и желательное само по себе; таким образом, все поступки всех людей совершаются ради того, чтобы достигнуть удовольствия и избавиться от страдания. Само же объективное содержание наших стремлений, желаний, хотений, осуществляемое нашими поступками (воспитание ребёнка, рисуемая картина, выстраданная политическая свобода и т.д.), всегда есть только средство для того, чтобы достигнуть подлинной цели, именно переживания удовольствия» [12].

В теоретическом плане гедонизм можно рассматривать как одно из направлений теории потребностей, ставшей основой современных общественных наук. Исследователь наркомании Д. Колесов в проблеме гедонизма выделяет два понятия: 1) критичность и 2) избалованность.

Избалованность - стремление к получению незаслуженного блага. Это следствие такого поведения окружающих, которое способствует формированию у индивида завышенных ожиданий и требований. Избалованность можно определить так же и как привычку к особо благоприятным условиям, и ожидание их в будущем. При этом в центральной нервной системе индивида происходит несоответствующее уровню его собственных усилий возрастание гедонических эталонов. И многое здесь зависит от его критичности. Важна сила двух законов: Закона возрастания гедонического эталона и Закона гедонической адаптации, причём временные параметры гедонической адаптации довольно легко определить путём обычного наблюдения за поведением индивида – будь то домашнее животное, ребёнок или взрослый. Ещё одна важная закономерность гедонических явлений: неприятное форме эталона индивидом не фиксируется; фиксируется только приятное. Любое неприятное подразумевает смену себя приятным – как результатом изменений характера действий. Следовательно, фиксировать уровень неприятного нет таких оснований, как фиксировать уровень приятного. Поэтому-то память о неприятном довольно быстро угасает, а в воспоминаниях остаётся по преимуществу приятное, причём нередко в дифференцированной форме. Память же о неприятном удерживает главным образом ситуации, в которых оно было испытано (вместе с опытом преодоления, т.е. с последующим приятным). От оттенков же неприятного индивид стремится избавиться: в памяти они сглаживаются. Пример тому наркотическая зависимость.

У каждой потребности есть свой гедонический эталон, который создается обществом с рыночной экономикой на этапе его трансформации в потребительское общество. Уровень приятного, на который индивид ориентируется при удовлетворении этой потребности, и на меньшее он «не согласен». Ге-

донические эталоны являются для личности критерием полноты и эффективности удовлетворения потребностей.

Эгоистический индивид может быть готов даже к боли, поскольку и она может оборачиваться приятным. Движущей силой поведения индивида является сочетание гедонического начала с потребностным возбуждением: без него «приятное» пребывает только на виртуальном уровне (в мыслях, фантазиях, мечтаниях), которыми собственная его энергия и разряжается.

Мыслящий индивид должен быть способен критично воспринимать удовольствие, чтобы не попасть в ловушку наркотизма и гедонического риска (азартные игры, тотализатор и т. д.), как несовместимого с (благополучной) жизнью поведения.

Следует отметить, что в современных радикальных социально-экономических преобразованиях поиск новых ценностей приобретает трагическую напряженность. Современная ситуация характеризуется отказом от абсолютных норм и ценностей, кризисом существовавшей системы ценностей и культурных норм - так называемым ценностным плюрализмом. Общественные институты больше не представляют человеку абсолютных образцов или моделей, следование которым гарантировало бы «успешную жизнь». Человек вынужден сам выбирать ту систему ценностей, норм, критериев оценки, на которую будет опираться при выборе дальнейших действий. Это не значит, конечно, что общественные институты или социальные группы не влияют на выработку ценностей, норм и установок отдельного человека, однако жизнь современного человека не может быть строго регламентирована, как это было возможно раньше. Это налагает на человека большую ответственность, и не все ее в состоянии принять.

Мироощущение людей в современных условиях наиболее полно выражено в работах С.Л. Франка. Исследователь считает, что все наши страсти и сильнейшие влечения обманчиво выдают себя за что – то абсолютно важное и драгоценное для нас, сулят нам радость и успокоение. Отсюда неизбежное для всех людей меланхолическое, в тайне глубоко и безысходно трагическое сознание, выражаемое французской поговоркой: «сознание обманутых надежд, недостижимости истинного счастья на земле» [13]. В этой мысли С.Л. Франка выражен трагизм человеческой жизни для всех эпох, осознаваемый впрочем, именно в нашем, XXI веке с наибольшей силой и остротой.

Философское понимание роли сознания индивида в формировании наркомании, как одного из проявлений его девиантного поведения, несовместимо с идеями М. Штирнера об отвержении понятий добра и зла. Дело в том, что М. Штирнер убежден в том, что конкретный человек со всем своим внутренним и внешним миром, «чтобы мог жить, должен быть оправдан весь». По его мнению, в эмпирическом человеке нужно принять все, не отвергая в нём одно как зло и не одобряя другое как добро. Действительный индивидуум – не абстракция, не понятие, а эмпирически цельная, живая личность. Индивидуум – это конкретный эмпирический человек; он есть высшая ценность сам для себя. И вот эта «ценность» непрерывной конкретно- эмпирической лич-

ности получает полное «оправдание», и из этого оправдания следует полное отвержение добра и зла.

Наряду с этим М. Штирнер считает, что само представление о нравственности должно быть истреблено и упразднено в людях, ибо нравственность – это некоторое преклонение, унижение, подчинение, это проявление чего-то высшего над самым высшим – над конкретной личностью. Нет ценности, которая могла бы быть выше самой высшей; а конкретная личность – эта самая высокая ценность.

Специалисты разных областей знаний, работающие с теми, кто имеет наркотическую зависимость, отмечают, что во многих случаях интенсивная и иногда полностью захватывающая человека потребность в наркотиках, в действительности является замещенной потребностью в целостности и общности с другими людьми. Так исследователь проблемы влияния ЛСД на человеческое сознание немецкий ученый С. Гроф, высказал мнение о том, что люди, возвратившиеся из состояния алкогольной или наркотической зависимости, передают свои ощущения как тревожный поиск, отсутствие каких-либо позитивных стремлений.

Современная ситуация с человеком требует поиска путей выхода из антропологического кризиса. Наши предки придумали полезный «заслон» на пути травмирования сознания. Это положение о грехе. По их мнению, можно было грешить и каяться, и это была психологическая разгрузка, очень сильная и действенная. Дело в том, что человек всегда сам себя оправдывает или стремится оправдать. Это чувство и заложено в христианском учении, согласно которому Иисус Христос пришел в мир, чтобы спасти грешников от дальнейшего их падения.

По мнению Э.Фромма «человека, который живет в соответствии с христианскими ценностями, в обществе, как правило, считают дураком или «невротиком», хотя учение Иисуса Христа составляет часть нашего нравственного сознания. Поэтому многие прибегают к рационализации и мотивируют свою любовь к ближнему эгоистическим интересом» [14].

По нашему мнению, важнейшей задачей философов, социологов и психологов является теоретическое обоснование путей, средств профилактики и преодоление наркомании среди молодежи XXI века. Поэтому заслуживает внимания такое направление, как православная концепция мира и человека, которую разрабатывают Х. Яннарас, В. Лосский, И. Зизиулас, С.Е. Ячин, С. Хоружий и др.

Библиографические ссылки

1. *Хоружий С. С.* Глобалистика и антропология. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://synegoria-isa/lib.htm>
2. *Waker C. R.* a.o. The foreman on the assembly line. Cambridge, Mass., 1956, P.221.

3. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. /Общ. ред. Л.Я.Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.:Прогресс, 1990. 368 с.
4. *Progoff I.* The Death and Rebirth of Psychology. New York, 1956. P.5.
5. *Фромм Э.* Бегство от свободы; Человек для себя./ Пер. с англ. Д.Н. Дудинский; Худ. Обл. М. В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 672 с.
6. *Хоружий С. С.* Кризис европейского человека и ресурсы христианской антропологии: доклад на международной конференции «Дать душу Европе. Миссия и ответственность Церквей». 3-5 мая 2006г., Вена
7. *Erikson E. H.* Childhood and society. N.Y., 1964., P. 279.
8. *Гроф С.* Области человеческого бессознательного: опыт исследований с помощью ЛСД. – М., 1992.
9. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2001
10. *Шопенгауэр А.* Свобода воли и основы морали: две основные проблемы этики. – СПб., 1887. - С.378.
11. *Why is Economics Not an Evolutoin Science? // The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays.* New York, 1919. P.73.
12. *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. М. 1991 с. 26
13. *Франк С. Л.* Смысл жизни // Вопросы философии. – 1990. - №6. - С.95.
14. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности М.:ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998.-672с.